

III. «Переверзевщина» в контексте борьбы с «вульгарным социологизмом»

Борьба с «переверзевщиной» постепенно отодвигалась на задний план, когда кампания против социально-психологического литературоведения перешла в критику критиков. На фоне ожесточенных споров между налитпостовцами и литфронтовцами, которые завершились разгоном Литфронта и радикализацией авербаховцев, в 1931 году поднялась новая волна полемических выступлений — на этот раз уже против наследия Плеханова, которое все меньше соответствовало примитивной политической программе пролетарской литературы. В связи с этим идеологическому обстрелу подвергся не только лозунг «За плехановскую ортодоксию», но и такая непоследовательная критика переверзевской концепции, как «беспаловщина». Литературоведение стало непосредственным выражением споров вокруг программы пролетарской литературы. Некоторое время казалось, будто функция его состоит исключительно в том, чтобы узаконить победу «идеологического» направления над «психологическим». Обращение к истории литературы, значение которой возрастало в ущерб теории литературы и поэтики, шло в духе историографической концепции Покровского: «политика, опрокинутая в прошлое», буржуа Пушкин как предшественник пролетария Безыменского и т. п.⁵²

В ответ на рапповскую чрезмерную политизацию социологии литературы формировался ряд позиций, свидетельствовавших о более сдержанной трактовке отношений литературы к пролетарской идеологии: литературно-познавательная концепция группы Лукача-Лифшица, конкретное социально-идеологическое исследование истории литературы представителями «академического» литературоведения

ния (такими социологизирующими учеными, как В. Жирмунский, А. Смирнов, П. Берков, Н. Державин или Н. Пиксанов), а также модифицированная концепция Переверзева. Их значение немного возросло после того, как на фоне перехода от рапповских директив к программе соцреализма в 1932 году был провозглашен «ленинский этап в литературоведении». В связи с этим началась канонизация принципа партийности. Теперь под запретом оказался не только «гнилой либерализм» Луначарского, но и «троцкистская пропаганда» Горбачева, Лелевича, Родова, а также «меньшевизм» Плеханова и его непоследовательных преемников»⁵³.

«Ленинский этап» отличался тем, что невероятный рост количества все новых «классовых врагов» в ходе культурной революции ослаб, началась некоторая «передышка», процесс втягивания, синтезирования. «Точка зрения сегодняшнего дня» дополнялась попытками определения «места в истории». Под пролетарской культурой разумели теперь не столько культуру пролетариев, сколько миссионерский потенциал пролетарской идеологии, к воспеванию которого под флагом «партийности» были приглашены все. Переверзев отозвался на эти изменения усилением изучения историко-литературного *процесса*, переключением с синхронического на диахроническое изучение истории литературы. Оказавшись в 1934—1935 гг. главным оппонентом Лукача в ходе дискуссии о проблемах теории романа в Комакадемии, Переверзев, между прочим, выступил со странной по форме, но показательной по содержанию самокритикой. Ученый характеризовал свои литературоведческие воззрения 1920-х годов как «окончательно пройденный этап», как не стоящую особого внимания «допотопщину». Благодаря «дискуссии 1929 года» он-де «бросил построение литературно-творческих портретов», а вместе с ним и «заостренный эйдологизм» и «экономизм».

«Несостоятельность и ограниченность переверзианского марксизма» обнаружили, по словам выступавшего, тогда, когда он «вышел на разработку тематики историко-литературного процесса, поставившей в центр... проблемы построения истории периодов, истории жанров, стилей»⁵⁴. В результате такого пересмотра своей прежней концепции Переверзев стал видеть в литературе в большей степени *сознательную* деятельность, признав огромное значение литературного влияния и заимствования, а главное, он открыл для себя относительную вневременность и самостоятельность жанров в литературном процессе. Хотя их конкретное историческое проявление связывалось, соответственно первоначальному убеждению, с социологией стилей, жанры уже не толковались исключительно как атрибуты образа. Это тем более относилось к истории романа, ставшей основным предметом научных интересов Переверзева⁵⁵. В борьбе за определенный тип романа ученый видел теперь чуть не стержень социально обусловленных литературных замыслов⁵⁶. При этом Переверзев остался *историком* литературы. Вот почему русский роман предстал у него в ином свете, чем в концепциях и группы Лукача-Лифшица, и «идеологистов», т. е. сторонников концепции непосредственно идеологической политической литературы. Анализируя, например, незаконченный роман Пушкина «Русский Пелам»⁵⁷, Переверзев обратил внимание на то, как писатель в 1830 годы с позиции *образованного аристократа* решился вести борьбу с нравоописательным романом жильблазовского типа, представлявшим собой результат *буржуазного* развития. Переверзев полагал, что низкопробные, но популярные произведения Булгарина и ему подобных сердили Пушкина особенно тем, что в них примитивная антиаристократическая тенденциозность становилась опорой бюрократической дворянской монархии Николая I. Переверзев в дальнейшем показал, что в ответ на этот «плутовской роман» Пушкин обратился к не привычному для него жанру, чтобы написать свой собственный нравоописательный роман, которым он *на высоком художественном уровне* намеревался пародировать русского Жиль-Блаза. Скрывавшиеся за аргументацией историка литературы выводы резко столкнулись с принципами и познавательными

го, и социально-идеологического направлений. Труды Переверзева 1930-х годов показывали, что нельзя ставить знак равенства между романом и буржуазной эмансипацией индивида, а также между восходящей социальной группой и большей художественностью. Сверх того, роль политики сводилась к созданию атмосферы полицейщины, убивающей всякие попытки истинного творчества. По мнению Переверзева, ее жертвой стал и пушкинский план романа «Русский Пелам». Именно Переверзев, которого к середине 1930-х годов охотно причисляли к т. н. «вульгарному социологизму», оказался последовательным защитником высококачественной художественной литературы. С этой позиции он выступал главным оппонентом группы Лукача на упомянутой конференции о проблемах теории романа в Комакадемии, что, в свою очередь, вызвало резкую реакцию со стороны представителей познавательного и социально-идеологического литературоведения. По мере того, как Переверзев после кампании 1929—1930 гг. пересмысливал основы своей первоначальной концепции, изменялось и содержание категории «переверзевщина».

Лукач подходил к роману с культурно-философской точки зрения, вследствие чего этот жанр являлся у него простым атрибутом философии, философемой. Так, оперируя понятиями «личность» и «общество», Лукач соотнес с первым роман, а со вторым — «эпос», чтобы потом предложить следующую гегельянскую триаду как единство логического и исторического:

1. тезис: «примитивное единство родового строя» = эпос

2. антитезис: непреодолимое «противоречие между личностью и обществом» в буржуазном строе = роман

3. на пути к синтезу: преодоление «деградации человека» и «высвобождение... возможностей масс» в условиях «становления бесклассового общества» = сближение романа с эпосом, «тенденция к эпосу»⁵⁸. Переверзев не мог согласиться с таким подходом к жанровой проблематике. По его мнению, отождествление романа и буржуазного общества вовсе не необходимо, если жанровую эволюцию исследовать с позиций последовательного *историка* литературы. Как эпос в новом оформлении пережил «родовой строй», так и роман существовал задолго до возникновения буржуазного общества.

Переверзевщина (иногда употреблялось и понятие «переверзианство») в этом контексте означала отрицание культурно-философского определения литературы, противопоставление истории литературы литературной теории (в действительности — программе соцреализма), разрыв логического и исторического.

«Игнорирование связи искусства с философией и политикой... характерно для переверзианства»⁵⁹. По отношению к трактовке жанра под переверзевщиной подразумевали бессодержательность жанрового определения. За этим упреком скрывалось недовольство тем, что Переверзев жанровую проблематику связал с мыслью об относительной самостоятельности литературного процесса и борьбой за художественность литературы⁶⁰.

Второй пункт переверзевских оговорок касался «тенденции к эпосу» в пролетарском романе и дал критикуемому им лагерю повод к опаснейшим политическим обвинениям. Ученый выразил в дискуссии свое удивление по поводу того, что в докладе Лукача «жанр романа определяется на основании отношения этой формы к эпосе, эпосу»⁶¹. Продолжая наивничать, Переверзев остановился на предположении, что «из новых общественных отношений в искусстве социалистического реализма возникают новые эпические черты»⁶², и недоумевал: если для героического эпоса базой и в самом деле является единство личности и коллектива, то почему не мог появиться эпос у пролетариата в буржуазном обществе, а тем более, почему его нет в настоящее время? По-видимому, «вы относите возможность возникновения эпоса к тому будущему, которое придется назвать социалистическим обществом? Но в социалистическом обществе пролетариата

уже нет...»⁶³ Замечания оппонента попали в точку, ибо пролетариат интересовал группу Лукача не как социальное явление, а как идеологический носитель утопии бесклассового общества. Вот почему Лифшиц, Усиевич и другие сторонники концепции Лукача обрушились на Переверзева, еще не путавшего сущее с желаемым.

Переверзевица в этом контексте означала отрицание надвигающегося эпического героизма в литературе 1930-х годов, непонимание самой сути программы социализма — преломления настоящего сквозь призму утопического.

Разделение на пролетарскую и социалистическую стадии, выразившееся в скептическом отношении Переверзева к «новому развитию эпических элементов в романе», противоречило аргументации Лукача, согласно которой тенденция к эпосу «вырастает с необходимостью из самого существа общественного развития, из становления бесклассового общества»⁶⁴. Стало ясно, что за спором об эпосе скрывалось принципиальное расхождение в понимании эволюции советского общества в 1930-е годы.

Переверзевица в этом контексте означала отход от идеи диктатуры пролетариата, от «учения об исторической миссии пролетариата»⁶⁵.

Переверзев, который в качестве социолога литературы как никто другой мог оценить возможности ненасильственного создания бесклассового общества в СССР, был обвинен Лифшицем, рассуждавшим, скорее, в духе идей народничества, в «отходе от марксизма в сторону меньшевизма»⁶⁶. В 1935 году такие упреки, как правило, имели роковые последствия.

На самом деле, Переверзев довольно четко распознал в концепции Лукача контуры совершенно нового контекста обсуждения, который вскоре принял характер второго этапа эволюции сталинской системы литературы. В дискуссии о романе Переверзев, между прочим, заметил, что «в докладе т. Лукача от социологии Маркса ничего не осталось, потому что вся работа построена на том, что основное противоречие капиталистического общества — это противоречие личности и коллектива». Дальше он установил: «Докладчик оперирует такими категориями, как... буржуазное общество, буржуазная культура, противоречие личности и коллектива и т. п., а что касается классов — то классов в его докладе нет». На этом построена, по словам оппонента, и вся теория романа Лукача, что в конце концов больше напоминает Михайловского, чем Маркса⁶⁷.

В своем выступлении Переверзев предчувствовал многие признаки народно-коллективистского канона второй половины 1930-х годов: борьбу с социологической аргументацией как таковой, модифицированную с точки зрения сталинизма обновление существенных сторон народнического образа мышления, идеологическое обоснование модернизации (военизации) общества с помощью архаических типов культуры. Если Лукач в конце своего доклада говорил о том, что тенденции к эпосу отражают процесс уничтожения классов и что в связи с этим из «среды миллионных масс» выдвигаются «руководители революционных масс»⁶⁸, то он невольно способствовал тем идеологическим изменениям, которые впервые дали о себе знать в партийных решениях о преподавании в школе (1934 г.) или в замечательной сцене на Первом съезде советских писателей, когда дагестанский «бард» Сулейман Стальский вдруг поднялся с кресла в президиуме и в восторге «спонтанно» излился стихотворным восхвалением Сталина, побудившим увлеченного Горького говорить о «Гомере XX века»⁶⁹.

Кампания 1936 года против формализма и натурализма в искусстве окончательно помогла проложить путь «тенденции к эпосу». Насколько уместными были возражения Переверзева в адрес Лукача, можно было судить по расцвету во второй половине 1930-х годов программы нового фольклора, которая своим народным коллективизмом, с одной стороны, заменила пролетарский коллективизм рапповцев, но, с другой стороны, продолжала антиинтеллектуальную направле-

ность их установок. В центре фольклорной программы, инициированной Горьким и представителями разогнанного Литфронта, после 1936 года охотно подчинившихся новому идеологическому курсу бесклассового советского общества, находилась борьба за «новый эпос»⁷⁰.

«Орденосцы» Джамбул, беломорская сказительница Марфа Крюкова и другие «народные певцы» оказались особенно пригодными для создания культа и поистине идеально воплощали в себе черты того «примитивного единства родо-вого строя», который Лукач рассматривал лишь как культурологическую отправную точку, как тезис на пути к будущему синтезу народности⁷¹. Влиятельные приверженцы программы нового эпоса превзошли самые крайние опасения Переверзева. Они фактически стирали грань между настоящим и будущим, принимая действительность за осуществленную утопию. Все чаще можно было наблюдать попытки сторонников фольклорной программы одержать верх над (профессиональным) литературным творчеством, которое все же сохраняло признаки общества, основанного на разделении труда. Это привело к тому, что отмеченная Лукачем тенденция к эпосу, выражавшаяся в эпическом характере романа, отеснялась в сторону неотложностью создания *самого эпоса*. Последние рудименты историчности в концепции Лукача, привязанные к «единству логического и исторического», таким образом уступали место «логике» основательно искаженной утопии. Антиисторическая сущность различных литературных теорий и программ эпичности была никак не совместима не только с воззрениями Переверзева, но даже с крайне упрощенными концепциями социологии литературы.

Кампания против формализма и натурализма, следовательно, относилась и к социологии литературы. В принципе, ее можно расценить как серьезную попытку уничтожить литературно-социологический подход в целом. Преобладавшее в первой половине 1930-х гг. литературоведческое направление теперь подвергалось резким нападкам со стороны группы Лукача-Лифшица, которая скоро выступила под названием «течение». Считая свою неонародническую концепцию литературы социологически более обоснованной, группа Лукача-Лифшица накануне 1936 года ввела понятия «вульгарный социологизм» и «вульгарная социология», чтобы обратить внимание на существенную односторонность и недостатки социально-идеологического исследования литературы — сведение художественного мышления к мировоззрению, политической философии социального класса, социальному происхождению автора. В кампании 1936 года вульгарная социология клеймилась как продолжение натурализма в литературоведении. «С энтузиазмом и энергией юных натуралистов они нанизывают писателей, словно бабочек, на острие своего “классового анализа”»⁷² — иронизировал М. Розенталь, не думая, однако, над тем, на какое острие он, в свою очередь, нанизывал писателей, когда в условиях тоталитаризма обязывал их к «народности».

В процессе борьбы с вульгарным социологизмом огромные и принципиальные различия внутри литературно-социологического направления утрачивали свое значение. У всех у них была одна судьба. На втором этапе эволюции сталинской культуры уже никого не интересовало, к какому социологическому течению критикуемый литературовед принадлежал — к психологическому или к идеологическому, чем он занимался — литературной критикой или наукой, что было для социолога отправным пунктом — специфичность литературы или идеологические запросы. В контексте одинакового поношения позиций Покровского, Фриче, Дмитрия Мирского, рапповцев, Нусинова и отрекшихся от своего учителя бывших учеников Переверзева выходило из обихода и понятие «переверзевщина». В зачатках эти изменения выявились еще в выступлении неистовой Елены Усиевич на конференции по теории романа. Хотя на этой конференции завязался спор, главным образом, между группой Лукача-Лифшица и Переверзевым, Усиевич призвала тех представителей социально-идеологического направления,

которые, «не разделяя его концепции в целом, скатываются к отдельным ее положениям», не позволять сбить себя с толку. Упоминая в этой связи именно о проблемах эпоса и жанра, она упрекнула Переверзева в том, что он взял свои методологические установки «из вульгарно-социологических искажений марксизма»⁷³.

Выдвинутое группой Лукача-Лифшица понятие «вульгарный социологизм», отсутствовавшее до 1932 года, постепенно оттеснило такие определения, как «переверзевщина». После кампании против формализма и натурализма говорили прежде всего о вульгарном социологизме. С помощью этой центральной категории представители коллективистски-народного курса выражали свое сугубо отрицательное отношение к социологическому мышлению как таковому. В новом элементарном толковании социологического подхода к литературе Переверзев был превращен в союзника своих бывших критиков — «любителей политики»: «Теоретики РАППа, борющиеся против Переверзева и его последователей, сами были достаточно заражены вульгарной социологией»⁷⁴. Когда Розенталь писал эти строки, он вряд ли представлял себе те конкретные обвинения, которые будут возведены в конце 1930-х годов на группу Лукача-Лифшица. Критиковали ее тогда, между прочим, за... переверзевщину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Так, например, Борис Гройс толкует сталинское искусство как осуществление художественных концепций авангарда, мало обращая внимание на то, что эти отношения характерны в основном лишь для первой половины 1930-х годов, ибо идеологические координаты сталинского «тотального произведения искусства» резко и неоднократно менялись. (См.: *Б. Гройс. Стиль Сталин* // Б. Гройс. Утопия и обмен. М., 1993. С. 11—112).

2 *Р. О. Якобсон*. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Велимир Хлебников. Прага, 1921. С. 11.

3 *В. Ф. Переверзев*. Творчество Гоголя. М., 1914. С. 15.

4 *В. Ф. Переверзев*. Социальный генезис обломовщины. Печать и революция. 1925. № 2. С. 61.

5 *В. Ф. Переверзев*. Теоретические предпосылки писаревской критики // Вестник Коммунистической академии, 1929. № 31(1). С. 42.

6 Там же. С. 45.

7 См., напр.: *Г. В. Плеханов*. Иск<усство> с т<очки> з<рения> м<атериалистического> о<бъяснения> ист<ории> // Плеханов. Искусство и литература. М., 1948. С. 313.

8 *Г. В. Плеханов*. Искусство и литература. С. 292.

9 Там же. С. 224.

10 Там же. С. 52.

11 Там же. С. 54.

12 Там же. С. 323.

13 *В. Ф. Переверзев*. Проблемы марксистского литературоведения // Литература и марксизм. 1929. № 2. С. 8.

14 *В. Ф. Переверзев*. Творчество Достоевского: Критический очерк. М., 1912. С. 100. См. также: Переверзев. Проблемы марксистского литературоведения. С. 10—11.

15 *В. Ф. Переверзев*. Прения по докладу В. М. Фриче «Фрейдизм и искусство» // Вестник Коммунистической академии. 1925. № 12. С. 261.

16 См., напр., описание родного дома в творчестве Тургенева и Достоевского в кн.: *В. Переверзев*. Творчество Достоевского. С. 61—62, 65.

17 Конференция преподавателей русского языка и литературы (23—28 января 1928 года) // Родной язык и литература в трудовой школе. 1928. № 1. С. 92.

- 18 В. Переверзев. Проблемы марксистского литературоведения. С. 8.
- 19 Там же. С. 5.
- 20 Там же. С. 13.
- 21 Там же. С. 8.
- 22 Ср., напр.: В. Переверзев. Творчество Гоголя. С. 316, 318, 320, 325—327.
- 23 См.: Г. Плеханов. Искусство и литература. С.215; В. Ф. Переверзев. Заключительное слово на торжественном заседании, посвященном 35-летию литературной деятельности М. Горького // Вестник Коммунистической академии. 1927. № 24. С. 271.
- 24 В. Переверзев. Проблемы марксистского литературоведения. С. 17.
- 25 См.: В. Ф. Переверзев. Необходимые предпосылки марксистского литературоведения // Литературоведение. Сб. М., 1928. С. 11.
- 26 В. Ф. Переверзев. Теоретические предпосылки писаревской критики. С. 39.
- 27 В. Ф. Переверзев. Рец. на кн.: Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Л., 1924 // Печать и революция. 1925. № 1. С. 270.
- 28 В. Ф. Переверзев. На фронтах текущей беллетристики // Печать и революция. 1923. № 4. С. 130.
- 29 Там же. С. 132.
- 30 Там же.
- 31 В. Ф. Переверзев. О теории социального заказа // Печать и революция. 1929. № 1. С. 62.
- 32 См., напр., «Резолюцию президиума Коммунистической академии о литературоведческой концепции В. Ф. Переверзева» (Литература и марксизм. 1930. № 1. С. 3—4).
- 33 См., напр.: Против чего и за что мы боремся // Творческая дискуссия в РАППе. Сб. стенограмм и материалов III областной конференции ЛАПП. 15—21 мая 1930 г. Л., 1930. С. 463; А. И. Зонин. О литературоведческой дискуссии // Книга и революция. 1930. № 2. С. 1—5.
- 34 С. Е. Шукин. Две критики. Плеханов — Переверзев. М., 1930.
- 35 См.: Против механистического литературоведения. Сб. М., 1930.
- 36 Там же. С. 201.
- 37 Против меньшевизма в литературоведении: О теориях проф. Переверзева и его школы. Сб. М., 1931.
- 38 И. И. Анисимов. Проблема Переверзева // Красная новь. 1930. № 2. С. 221.
- 39 См.: Творческая декларация 16 литгрупп и кружков ЛАПП // Творческая дискуссия в РАППе. С. 452—457.
- 40 См.: В. В. Ермилов. Буржуазные влияния в пролетарской литературе // Резец. 1930. № 36. С. 14.
- 41 Л. Л. Авербах. К критике взглядов проф. Переверзева // Против меньшевизма в литературоведении. С. 50.
- 42 Там же. С. 49.
- 43 С. Л. Белевицкий. Дискуссия о В. Ф. Переверзеве // Русский язык в советской школе. 1930. № 2. С. 179.
- 44 Д. Е. Тамарченко. Основные вопросы марксистской критики. Статья 4-я // Литературная учеба. 1931. № 10. С. 10.
- 45 Н. И. Ефимов. Литературоведение революционной эпохи. Направления и проблемы. Вып. 1: Эйдологическое направление. Школа В. Ф. Переверзева. Владивосток, 1930. С. 39.
- 46 Там же. С. 42.
- 47 И. М. Нусинов. Вопросы марксистского литературоведения // Литература и марксизм. 1930. № 4—5. С. 20, 24.
- 48 С. А. Малахов. К итогам дискуссии о переверзевской школе // Звезда. 1930. № 6. С. 255.
- 49 Ф. Шемякин. Метафизика В. Ф. Переверзева // Удар за ударом. Удар второй. М.; Л., 1930. С. 299.
- 50 С. А. Малахов. Переверзевщина на практике: Критика теории и практики. М.; Л., 1931. С. 12.

- 51 См.: На путях осуществления директивы партии // На литературном посту. 1929. № 23. С. 3—6.
- 52 См.: *Г. Лелевич*. Доклад // Литература. 1931. № 1. С. 15.
- 53 См., напр.: *В. Я. Кирпотин*. Письмо тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» и задачи литературоведения // Литературная учеба. 1932. № 4. С. 15, 18, 21.
- 54 Проблемы теории романа. Часть вторая // Литературный критик. 1935. № 3. С. 236—237. (В дальнейшем: ПТР II).
- 55 См.: *В. Ф. Переверзев*. У истоков русского реального романа. М., 1937. С. 6.
- 56 См.: *В. Ф. Переверзев*. Борьба за исторический роман в 30-е годы // Литературная учеба. 1935. № 5. С. 3—29; 1935. № 10. С. 39—54.
- 57 *В. Ф. Переверзев*. Пушкин в борьбе с русским плутовским романом // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. I. М.; Л., 1936. С. 164—188.
- 58 Проблемы теории романа. Часть 1-я // Литературный критик. 1935. № 2. С. 214—215, 219. (В дальнейшем: ПТР I).
- 59 ПТР II. С. 232.
- 60 См.: ПТР I. С. 249; ПТР II. С. 232—233, 239.
- 61 ПТР I. С. 229.
- 62 ПТР II. С. 244.
- 63 ПТР I. С. 232.
- 64 Там же. С. 219.
- 65 ПТР II. с. 251—252.
- 66 Там же. С. 252.
- 67 ПТР I. С. 243.
- 68 Там же. С. 219. (выделено нами. — *Х. Л.*)
- 69 Заключительное слово А. М. Горького // Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1990. С. 676.
- 70 См. речь *Г. Лелевича*. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 264—267. См. также: *H.-J. Lehnert*. Vom Literaten zum Barden. Wandlungen im literarischen Leben der UdSSR Mitte der 30er Jahre // Zeitschrift für Slavistik. 1991. № 2 (36). S. 187—195.
- 71 См.: ПТР I. С. 214—215, 219.
- 72 *М. М. Розенталь*. Против вульгарной социологии в литературной теории. М., 1936. С. 30
- 73 ПТР I. С. 236.
- 74 *М. Розенталь*. Против вульгарной социологии в литературной теории. С. 7.